

- [Гилберт Кит Честертон](#)
    -
    - [Примечания](#)
-

Гилберт Кит Честертон

Павлиний дом

Несколько лет назад по солнечной пустынной улице лондонского предместья, мимо садов и домиков, шел молодой человек. Одет он был не по-столичному, шляпу его мы вправе назвать доисторической, а прибыл он из дальнего, сонного, западного селения. Больше в нем не было ничего примечательного, кроме разве его судьбы, весьма примечательной и даже прискорбной. Навстречу ему во весь дух мчался пожилой и лысый джентльмен во фраке. Врезавшись в него, как снаряд, он схватил его за немодные лацканы и пригласил к обеду, — вернее, он слезно молил его пообедать с ним, что было довольно странно, поскольку незнакомец не знал ни его, ни кого другого на много миль вокруг. Однако испуганный сельский житель решил, что так уж принято в диковинной столице, где улицы вымощены золотом, — и принял приглашение. Он вошел в гостеприимный дом, который был совсем рядом, и больше его никто никогда не видел.

Обычные объяснения здесь не подходили. Люди эти знакомы не были. Приезжий не привез ни ценностей, ни денег, ни мало-мальски важных бумаг, и с первого взгляда было ясно, что у него их нет. Настойчивый же хозяин просто сиял благополучием. Манишка его так сверкала, запонки и булавка так мерцали, сигара так благоухала, что никто не заподозрил бы его в мошенничестве или воровстве. И впрямь, мотивы его преступления были на редкость странными — столь странными, что даже с сотой попытки вряд ли угадали бы их.

Вероятно, никто бы их не угадал, если бы еще один молодой человек, проходивший в тот же солнечный день по той же улице, часа через два, не отличался некоторой чудаковатостью. Не надо думать, что он проявил особое сыщицкое чутье, — меньше всего на свете он был похож на сыщика из детективного романа, который отгадывает загадки благодаря своей собранности и сосредоточенности. Точнее будет сказать, что наш герой нередко отгадывал загадки благодаря своей рассеянности. Иногда какой-нибудь предмет неизвестно почему запечатлевался в его сознании, словно талисман, и он глядел и глядел на него, пока тот не начинал вещать, словно оракул. В прежних случаях его привлекали камень, канарейка и морская звезда. То, что привлекло его сейчас, было еще удивительней с обычной точки зрения; но сам он до такой точки зрения дошел не скоро.

Он медленно шествовал по залитой солнцем дороге и с сонной радостью подмечал, как прорезают яркую зелень золотые нити раkitника, а белый и алый шиповник светится в первых предзакатных тенях. Ему нравилось, что полумесяцы газонов повторяются снова и снова, как узор на гардинах, ибо он не считал повторение однообразным. Но вдруг он почти бессознательно заметил, что один газон — немного другого оттенка, вернее — что на нем нечетко выделяется почти синее пятно. Он присмотрелся, пятно задвигалось и превратилось в крохотную головку на изогнутой шее. Это был павлин.

Прежде чем подумать о вещах обычных, прохожий подумал о тысяче необычных вещей. Пламенная синева павлиньей шеи напомнила ему о синем пламени, а синее пламя — о преисподней, и только тогда он понял, что смотрит на павлина. Затканый глазками хвост увлек его рассеянный ум к таинственным и дивным чудищам Апокалипсиса, у которых очей еще больше, чем крыльев; и только тогда он вспомнил, что в прозаическом предместье павлинов быть не должно.

Гэбриел Гейл (а именно так звали молодого прохожего) был второстепенным поэтом, но первоклассным и знаменитым живописцем, и, зная его пристрастие к красивым видам, аристократы часто приглашали его в те живописные поместья, где павлины не такая уж редкость. Подумав о поместьях, он вспомнил одно, заброшенное и запущенное, но для него невыносимо прекрасное, словно потерянный рай. Он увидел в сверкающей траве девушку величавей павлина, и пламенная синева ее платья светилась печалью, какой не сыщешь и в аду. Быстро справившись с нелегким воспоминанием, он все же не успокоился, хотя мысли его были на сей раз довольно здоровыми. Что ни говори, в палисадниках лондонских предместий павлинов не разводят. А этот павлин был особенно велик и горделив для здешних мест: казалось, поведи он хвостом — и все деревца вокруг сломаются. Наверное, такое же чувство испытываешь, зайдя к старой деде, любящей птичек, и увидев у нее страуса.

Эти размышления сменились еще более здоровыми — Гейл обнаружил, что уже минут пять стоит лениво и беспечно, опершись на чужую калитку, как сельский житель, мечтающий у изгороди. Если бы хозяин вышел в сад, пришлось бы с ним объясняться; но никто не выходил. Зато кое-кто вошел. Когда павлин отвернул от него увенчанную крохотной короной головку и величаво двинулся к дому, Гейл спокойно отворил калитку и пошел за ним прямо по траве. Здесь было темнее, потому что садик зарос алым боярышником, а дом неожиданно оказался совсем не живописным. То ли его недостроили, то ли перестраивали: у стены стояла стремянка,

приготовленная, вероятно, для рабочих, а кусты местами были повырублены: охалка веток алела на подоконнике второго этажа, и на перекладинах стремянки лежали лепестки. Гейл отметил все это, растерянно стоя у лестницы и думая о том, как неуместны этот дом и эта стремянка в прекрасном саду, по которому бродит павлин. Чувство у него было такое, словно к изысканно-красивым кустам и птицам силою ворвались известка и кирпичи.

Гейлу была присуща та редкостная непосредственность, которая многим казалась просто-напросто наглостью. Как и все люди, он мог поступить дурно, прекрасно это зная и стыдясь этого. Но когда он думал, что поступает правильно, ему и в голову не приходило устыдиться. Он считал взломщиком только вора и, не собираясь красть, без зазрения совести проник бы по дымоходу хоть к самому королю. Лестница и окно искушали его слишком сильно, приглашали так явно, что это и приключением не назовешь; и он пошел по стремянке, словно по ступенькам отеля. Однако на самом верху он приостановился, нахмурился и поспешил перемахнуть через подоконник.

После золотого предзакатного света комната казалась полутемной, и Гейл не сразу различил предметы в неярких отблесках зеркала. Все, что он увидел, представилось ему каким-то убогим, даже уродливым: темные сине-зеленые гардины, усеянные глазками, были много тусклее, чем хвост павлина в саду, а зеркало, когда он присмотрелся, оказалось разбитым. И все же комната была приготовлена к приему: на красиво накрытом столе у каждого прибора стояло несколько причудливых бокалов для разных вин, а в синих вазах красовался все тот же алый и белый боярышник. Но и на столе не все было ладно, — Гейл даже подумал, что кто-то здесь дрался или убежал отсюда, перевернув на бегу солонку и разбив зеркало. Потом он взглянул на нож и стал было кое-что понимать, но тут открылась дверь и в комнату быстро вошел коренастый седой человек.

Именно в этот миг Гейла окатило холодом здравомыслия, словно он прыгнул в море с летучего корабля. Он вспомнил, где он и как сюда попал. Обычно он не сразу улавливал практическую сторону дела, он вообще слишком поздно улавливал ее, но уж тогда она вставала перед ним со всею четкостью. Он понимал, что никто не поверит, будто у него были основания проникнуть в диковинный дом через окно. У него их и не было, во всяком случае — таких, которые можно изложить, не вдаваясь в поэзию или философию. Глядя на себя со стороны, он отметил даже самую гнусную подробность: он, чужой человек, подозрительно возится с хозяйским серебром. Поколебавшись немного, он положил нож, вежливо приподнял

шляпу и сказал чуть позже и чуть насмешливей, чем следовало:

— Я бы на вашем месте не стрелял. Лучше позвоните в полицию.

Однако и хозяин застыл в довольно странной позе. Открыв дверь, он дернулся, разинул рот, но не закричал, а упрямо сжал губы, словно решил вовсе не говорить. Его энергичное умное лицо портили глаза навывкате, налитые кровью, как будто он всегда на кого-то сердился. Но сонные синие глаза беззаконного пришельца глядели не на них, а пониже — туда, где мерцал молочным светом огромный опал.

— Вы кто, вор? — заговорил наконец и хозяин.

— Строго говоря, нет, — ответил Гейл. — Но если вы спросите, кто же я, я скажу, что и сам не знаю.

Хозяин торопливо обогнул стол и как-то нерешительно протянул к нему руку, а может, и обе руки.

— Конечно, вор, — сказал он. — Ну и ладно. Обедать будете?

Он помолчал, явно волнуясь, и начал снова:

— Правда, пообедайте с нами. Вот и ваш прибор.

Гейл внимательно оглядел стол и сосчитал приборы. Число их рассеяло последние его сомнения. Теперь он знал, почему у хозяина в запонках и в галстукке опалы, почему разбито зеркало, рассыпана соль, ножи и вилки лежат крест-накрест, почему в доме раскидан боярышник и валяются павлиньи перья, а в саду расхаживает павлин. Он понял, что стремянка стоит так странно не для того, чтобы по ней лазали в окно, а для того, чтобы под ней проходили к двери. И еще он понял, что прибор его — тринадцатый.

— Сейчас будем обедать, — с нервным радушием говорил украшенный опалами хозяин. — Я как раз шел вниз, звать остальных гостей. Очень занятные люди, вы уж мне поверьте. В самом деле, умные, здравомыслящие, ничего на свете не боятся. Меня зовут Крэндл, Хэмфри Крэндл, в деловом мире я довольно известен. Пришлось представиться самому, чтобы представить вам других.

Гейл припомнил, что часто в рассеянности скользил глазами по буквам этого имени, и связано оно не то с мылом, не то с лекарством, не то с вечными перьями. Он мало разбирался в этих делах, но все же мог себе представить, что бизнесмену такого калибра вполне по карману и вина, и павлины, хоть он и живет в невзрачном особняке. Но другие мысли мучили его, и он невесело глядел в окно, в павлиний сад, где умирали на траве последние лучи заката.

Тем временем члены «Клуба тринадцати» входили в комнату и рассаживались по местам. Большинство из них отличалось бойкостью, а

некоторые — и наглостью. У самых молодых, с виду похожих на очень мелких служащих, лица были глупые и беспокойные, словно они участвовали в опасной игре. И только двое из двенадцати были явно приличными людьми: сухонький морщинистый старичок в огромном рыжем парике и высокий крепкий человек неопределенного возраста и несомненного ума. Первый оказался сэром Дэниелом Кридом, в свое (довольно давнее) время прославившемся в суде. Вторым звался просто мистер Ноэл, но сразу было видно, что он умнее и значительней старика. Лицо у него было крупное, резкое и красивое, а впалые виски и глубокие глазницы говорили о духовной, а не о телесной усталости. Чутье подсказало поэту, что он и впрямь устал; что прежде чем присоединиться к этой странной компании, он перевидал много других и, наверное, еще не нашел достаточно странной.

Однако нервная словоохотливость хозяина долго не давала гостям проявить себя. Он говорил один за всех, лучась радостью, вертелся, ерзал в кресле, словно достиг наконец долгожданной цели. Неловко было смотреть, как резвится седой коммерсант, и нелегко было понять, что же его так радует. Он то и дело говорил невпопад, но сам был чрезвычайно доволен каждым своим словом; а Гейл с тревогой думал о том, как разойдется хозяин, осушив все пять стоявших перед ним бокалов. Однако ему еще не раз суждено было удивить своих гостей, прежде чем он отведал последнего из своих вин.

Повторив в очередной раз, что рассказы о дурных приметах — несусветная чушь, он вынужден был замолчать, ибо в разговор вступил старый адвокат.

— Дражайший Крэндел, — заговорил он нетвердым, но резким голосом. — Я хотел бы внести уточнение. Да, все это чушь, но чушь ведь тоже бывает разная. С исторической точки зрения, суеверия неоднородны. Происхождение одних — ясно, происхождение других — смутно. Страх перед пятницей, крестом или числом тринадцать, вероятно, связан с религией. Но с чем, разрешите спросить, связан страх перед павлином?

Крэндел благодушно и громогласно возвестил, что это еще какая-нибудь немислимая ерунда, но вдруг в разговор вмешался Гейл, сидевший рядом с Ноэлом.

— Кажется, я могу кое-что объяснить, — сказал он. — Я как-то рассматривал рукописи девятого или десятого века с очень интересными заставками в строгом византийском стиле. Изображали они два воинства перед небесной битвой. Архистратиг Михаил раздает ангелам копья, а Сатана своим воинам — перья павлина.

Ноэл резко повернулся к нему, и Гейл увидел его глубокие глазницы.

— Очень интересно, — сказал Ноэл. — Вы считаете, дело тут в осуждении гордыни?

— Что ж! — выкрикнул Крэнгл. — Вот вам павлин! Можете его ощипать, если вздумаете сразиться с ангелами.

— Перья — плохое оружие, — серьезно заметил Гейл. — Видимо, это и хотел поведать нам средневековый художник. Он поражает воинственность в самом сердце: правые вооружаются для истинной борьбы, чей исход всегда неизвестен; неправые заранее распределяют награды. А наградой сражаться нельзя.

Пока они беседовали, Крэнгл почему-то все больше мрачнел. Глаза его загорались и гасли, губы беззвучно шевелились, пальцы нервно барабанили по скатерти. Наконец его прорвало:

— Что за ерунда! Можно подумать, вы сами во все это верите! Seriously говорить про такую чушь...

— Прошу прощенья, — вставил Крид, по-судейски радуясь, что вносит в дело ясность. — Мои слова были крайне просты. Я говорил о причинах, а не о достоверности предрассудков. Я сказал, что страх перед павлинами труднее объяснить, чем, скажем, страх перед крестом.

— Вы считаете, что крест приносит беду? — спросил Крэнгл, и глаза его затравленно и зло впились в поэта.

— Нет, не считаю, — отвечал Гейл. — У христиан бывают суеверия попроще, но креста они не боятся. Иначе они не поклонялись бы ему.

— Да ну их к черту, ваших христиан... — яростно начал Крэнгл, но его прервал голос, перед которым все крики Крэнгла показались беспомощным лепетом.

— Я не христианин, — твердо сказал Ноэл. — Сейчас бесполезно спрашивать, жалею я об этом или нет. Но я считаю, что мистер Гейл совершенно прав: вера может перебороть суеверие. Более того — если бы я верил в Бога, то уж не в такого, который ставит человеческое счастье в зависимость от солонки или павлиньего пера. Чему бы христианство не учило, вряд ли оно учит, что Создатель безумен.

Гейл задумчиво кивнул, словно не во всем соглашался с ним, но ответил ему одному, как будто лишь его миновало охватившее всех безумие:

— В этом смысле вы правы. Но это еще не все. Мне кажется, многие смотрят на предрассудки очень легко, чуть ли не легче вашего, и связывают их с мелкими бедами, неловкостями, житейской неразберихой, которая зависит скорее от эльфов, чем от ангелов. Но ведь и христиане верят, что

ангелы бывают разные; есть ангелы падшие — те, что сражались павлиньими перьями. Какие-то мелкие силы двигают столы и блюдечки — почему бы им не заняться ножом или солонкой? Конечно, наша душа не зависит от трещины в зеркале; но нечистые силы хотели бы нас этим напугать. А преуспеют ли они, зависит от того, что чувствуем мы сами, когда разбиваем зеркало. Быть может, разбивая его в гневе или в злом презрении, мы действительно вступаем в связь с чем-то недобрым. Быть может, на доме, где мы это сделали, остается след, и нечистые духи слетаются на него.

Наступило странное молчание, и Гейлу показалось, что оно висит над домом и оседает на соседние садики и улицы. Молчали все, и вдруг тишину прорезал хриплый крик павлина.

Именно тогда Хэмфри Крэндл поразил гостей в первый раз. Слушая Гейла, он упорно глядел на него, и глаза его все больше наливались кровью, а сейчас, обретя голос, он поначалу издавал нечеловеческие, почти павлиньи звуки. Он заикался, он захлебывался от гнева, и лишь к концу первой фразы стало понятно о чем он говорит.

— ...приходят, видите ли... порют черт те что... пьют мое вино... и еще смеют... против наших... против самых первых... Добивайте нас, чего там, добивайте!

— Ну-ну, — по-прежнему твердо вмешался Ноэл. — Это просто неразумно. По-моему, вы сами пригласили мистера Гейла вместо одного из наших друзей.

— Как я понял, — уточнил Крид, — Артур Бейли телеграфировал, что не приедет, и мистер Гейл любезно согласился занять его место.

— Да, — огрызнулся Крэндл. — Я пригласил его тринадцатым. Вот вам и ваши суеверия. Он ведь тринадцатый, и прошел под лестницей, а ему повезло, он неплохо пообедал.

Ноэл снова хотел вмешаться, но Гейл вскочил. На вид он был не обижен, а рассеян, и обратился он к Криду и к Ноэлу, а не к пылкому Крэндлу.

— Благодарю вас, — сказал он, — мне пора идти. Да, меня пригласили к обеду, но в дом меня не приглашали. И что-то мне кажется... — Он потрогал ножи, поглядел в окно и закончил: — По правде говоря, я не уверен, что тринадцатому гостю так уж повезло.

— Что такое? — вскрикнул Крэндл. — Вы что, недовольны обедом? Отравили вас?

Глядя в окно и не меняя позы, Гейл ответил ему:

— Я четырнадцатый гость, и я не проходил под лестницей.

Крид умел следить лишь за логическими доводами и не замечал ни знамений, ни перепадов в атмосфере, как замечал их более тонкий Ноэл. Впервые законник в рыжем парике показался совсем дряхлым. Он уставился на Гейла и ворчливо спросил:

— Вы что же, считаете нужным соблюдать все эти глупости?

— Да нет, — отвечал Гейл. — Вряд ли я считаю это нужным. Но я уж точно не считаю нужным их намеренно нарушать. Начнешь — и столько всего нарушишь, порушишь, разобьешь... Многого на свете не прочнее зеркала. — Он помолчал и виновато прибавил: — Например, десять заповедей...

Все снова внезапно замолкли, и Гейл вдруг понял, что почему-то настойчиво ждет уродливого павлиньего крика. Но павлин не кричал, и Гейлу почему-то представилось, что его задушили там, в темноте.

Тогда поэт впервые обернулся к Крэндлу и посмотрел прямо в налитые кровью глаза.

— Быть может, павлины и не приносят беды, — сказал он, но гордыня беду приносит. Вы из гордыни и презренья нарушали нелепые приметы смиреннейших, чем вы; и вот, вам пришлось нарушить священный запрет. Быть может, разбитое зеркало и не приносит беды, но безумие беду приносит. Вы помешались на логике и здравом смысле, и вот, вы стали наконец преступным безумцем. Быть может, красный цвет и не приносит беды, но я не зря почуял беду, когда увидел красные пятна на подоконнике и на ступеньках. Сначала я подумал, что это лепестки.

Впервые за этот суетливый день человек, сидевший во главе с гола, ни разу не шелохнулся. Он застыл и сжался так внезапно, что все остальные пробудились и повскакали с мест, крича и спрашивая наперебой. Один лишь Ноэл оставался спокойным.

— Мистер Гейл, вы сказали слишком много или слишком мало. Нетрудно решить, что все это — просто вздор, но мне кажется, что вы не всегда говорите ерунду. Если же вы не докажете ваших слов, это будет клевета. В сущности, вы сказали нам, что здесь произошло убийство. Кого же вы обвиняете? Нас всех?

— Не вас, — ответил Гейл. — И вот доказательство: если надо все проверить, лучше всего сделать это именно вам. Идите и взгляните сами, что там за пятна. Они есть и внизу, на траве, у подножья лестницы, и дальше, до мусорного ящика в углу сада. Загляните и в ящик. Быть может, на нем окончатся ваши поиски.

Крэндл сидел неподвижно, как идол, и гости почему-то поняли, что его налитые кровью глаза глядят теперь внутрь. Он думал о чем-то своем,

решал и не мог решить какую-то загадку, не замечая ничего вокруг. Крид и Ноэл вышли из комнаты, шаги их простучали по лестнице, голоса негромко прозвучали под окном и затихли, удаляясь в угол сада. Хозяин же сидел неподвижно, и опал в его галстук светился, словно священное око восточного божества. Вдруг он как будто стал больше и сам изнутри засветился. Он вскочил, высоко поднял бокал, но сразу поставил его, и тонкие стенки задрожали, а вино расплылось по скатерти кроваво-алой звездой.

— Я все понял! — в самозабвении крикнул он. — Я был прав. Да, да! Я прав! Как вы не видите? Как же вы все не видите? Тот человек не тринадцатый. Он — четырнадцатый, а этот — пятнадцатый. Тринадцатый — Артур Бейли, а он жив и здоров. Он сюда не пришел, но это ничего не значит. Совершенно ничего не значит. Он ведь у нас тринадцатый. Каких же нам еще тринадцатых? Все остальное не важно. Зовите меня как хотите. Делайте со мной что хотите. Этот ваш поэт сам не знает, что говорит, — ведь в ящике никакой не тринадцатый, и пускай кто-нибудь мне...

Ноэл и Крид стояли в дверях, и лица их были мрачны, а человек во главе стола распался все больше. Когда ему не хватило воздуха и он запнулся, захлебнувшись словами, Ноэл произнес железным голосом:

— Как ни жаль, вы правы.

— В жизни такого ужаса не видел, — сказал Крид, поскорее сел к столу и поднял рюмку с ликером дрожащей старческой рукой.

— Тело в мусорном ящике, — безжизненно продолжал Ноэл. — Горло перерезано. Судя по меткам на костюме, бедняга приехал из Сток-андер-Хэма. Кстати, сам он молодой, а костюм у него старомодный.

— Какой он с виду? — вдруг оживился Гейл.

Ноэл с интересом посмотрел на него и ответил:

— Он долговязый, тощий... волосы у него как пакля. А почему вы спросили?

— Я подумал, — ответил поэт, — что он немножко похож на меня.

Крэндел тяжело обвис в кресле и не пытался ни объясняться ни бежать. После бурной вспышки губы его еще шевелились, но говорил он сам с собой, доказывая все убедительней, что убитый им человек не вправе именоваться тринадцатым. Сэр Дэниел Крид тоже сидел неподвижно, но молчание нарушил именно он.

— Кровь вопиет о справедливости, — сказал он, поднимая голову в нелепом, огромном парике. — Я старый человек, но я готов судить убийцу, будь он мне хоть братом.

— Сейчас позвоню в полицию, — сказал Ноэл. — Медлить незачем.

Он выпрямился, его тяжелое лицо оживилось, и в глубоких глазницах засветился свет.

Тут председательское или судейское место занял некто Булл — крупный, краснолицый человек, похожий на коммивояжера, который во время обеда шумно веселился на другом конце стола. Сейчас он подождал, не прикажут ли ему чего-нибудь люди пообразованней, и, не дождавшись, решил приказывать им.

— Нам не до колебаний. Нам не до чувств, — затрубил он, словно слон. — Конечно, дело нелегкое — все ж старый член клуба!.. Но мне, повторяю, не до чувств. Убийцу надо казнить, кто бы он ни был. Да что там! Ясно, кто он такой. Он сам только что во всем признался, когда Ноэл и Крид вышли.

— Никогда его не любил, — сказал один из мелких служащих, у которого, вероятно, были с Крэндлом старые счеты.

— Действовать надо быстро, — сказал Ноэл. — Где телефон?

Гэбриел Гейл встал перед креслом, где неподвижно сидел хозяин, и обернулся к наступающим на него людям.

— Стойте! — крикнул он. — Дайте мне сказать!

— В чем дело? — терпеливо спросил Ноэл.

— Не люблю хвастаться, — отвечал Гейл, — но придется, иначе не объяснишь. Мне, в отличие от мистера Булла, до чувств. Мое дело — чувства, я ведь пишу чувствительные стишки. Вы — люди серьезные, разумные, практические, вы смеетесь над суевериями и цените здравый смысл. Однако здравый смысл не помог вам обнаружить мертвое тело. Вы разумно докурили бы сигары, разумно допили грог и ушли домой, а оно осталось бы гнить на помойке. Вы никогда не думали о том, куда может завести путь разума и насмешки. Вам помог стихоплет, чудак, мечтатель, — быть может, потому, что он не презирает чувств. Ведь я и впрямь чудак и знаю по себе, что сводит с ума таких, как этот лопочущий безумец. Потому я и могу следовать за ним. А теперь счастливый поборник чувств обязан выступить в защиту несчастного.

— В защиту преступника? — спросил Крид резким и нетвердым голосом.

— Да, — отвечал Гейл. — Я разоблачил его, мне его и защищать.

— Вы что, защищаете убийц? — удивился Булл.

— Не всех, — спокойно ответил Гейл. — Этот убийца — особенный. Я вообще не уверен, убийца ли он. Быть может, это несчастный случай. Быть может, он это сделал случайно, машинально, автоматически.

Старческие глаза загорелись — Крид вспомнил очные ставки, и его

резкий голос больше не дрожал.

— Вы хотите сказать, — начал он, — что Крэндл прочитал телеграмму, вышел на улицу, схватил первого встречного, затащил сюда, отлучился, взял где-то бритву или нож, перерезал гостю горло, понес труп вниз, уложил его в мусорный ящик и заботливо прикрыл крышкой машинально, по несчастной случайности?

— Вы прекрасно изложили дело, сэр Дэниел, — ответил Гейл. — А теперь, если разрешите, я задам вам вопрос в том же логическом стиле. Как говорите вы, законники, где же тут мотив? По-вашему, нельзя случайно убить совершенно незнакомого человека. А зачем, скажите мне, убивать незнакомца намеренно? Какое тут намерение? Крэндлу это ни в чем не помогло, это все ему испортило,

— он ведь потерял своего тринадцатого гостя. С какой стати ему, именно ему, хотеть, чтобы с тринадцатым и впрямь случилась беда? Его преступление никак не вяжется с его верой, с его суеверием, безумием — зовите это как хотите.

— Вы правы, — признал Ноэл. — В чем же тут дело?

— Мне кажется, — ответил Гейл, — никто не может ответить вам, кроме меня. И вот почему. Заметили вы, как часто мы принимаем самые дурацкие позы? Их можно увидеть на моментальных снимках. Кажется, новые, уродливые школы живописи пытаются схватить именно это — как мы валимся на бок, хватаемся за воздух, стоим на одной ноге. Неловкая поза — страшная вещь. Я это знаю, потому что сегодня я сам стоял в нелепейшей позе.

Я влез в окно из глупого любопытства и стоял как дурак у стола, раскладывая поровней ножи. Шляпы я не снял, а когда вошел Крэндл, снял было ее, не выпуская ножа, но одумался и положил его на стол. Вы знаете, как иногда глупо двинешь или дернешь рукой. И вот, когда Крэндл меня увидел, но еще не разглядел как следует, он остолбенел, словно сам Господь или палач забрался к нему в столовую. Мне кажется, я знаю, почему он так испугался. Я тоже неловок и высок, как тот, первый. Наверное, Крэндлу показалось, что труп поднял крышку ящика, вскарабкался по лестнице и встал на прежнее место. А я заметил, как неловко я поднял руку с ножом, — и это мне помогло. Это подсказало мне, что же здесь случилось.

Когда наш несчастный сельский житель вошел сюда, он — в отличие от нас

— страшно испугался. Такие люди, как он, верят в приметы. И вот он принялся поскорее раскладывать ровно ножи, как вдруг увидел

рассыпанную соль. Может быть, он подумал, что сам опрокинул солонку. В эту роковую минуту вошел Крэнгл, и бедняга смутился еще больше и еще сильнее заторопился. Не забывайте, он делал два дела сразу. Не выпуская ножа, он взял щепотку соли и попытался бросить ее через плечо. Но фанатик кинулся на него и схватил его за руку.

Ведь в эту минуту рушился весь безумный миропорядок Крэнгла. Вы толкуете о суевериях, а заметили вы, что это — дом колдуна? Поняли вы, что здесь на каждом шагу — заклинания, обряды, ритуалы, только задом наперед? Ведьмы читают задом наперед молитву Господню. Как вы думаете, что почувствует ведьма, если хотя бы два слова случайно окажутся на своих местах? Крэнгл увидел, что несуразный поселянин вот-вот разрушит чары его черной магии. Если бы он бросил соль через плечо, вся сложная постройка обрушилась бы. Со всей силой, какую он мог призвать из ада, Крэнгл повис на руке, державшей нож, чтобы несколько серебряных пылинок не опустились на пол.

Бог его знает, случай ли это. Да, именно так, — ту секунду, и все, что за ней скрыто, видел только Бог. Только перед Ним она открыта и светла, как вечность. Но мы — просто люди, и я, и наш хозяин. А я, если смогу, не дам казнить человека за то, что он сделал случайно, или машинально, или даже, можно сказать, защищая себя. Возьмите щепотку соли, встаньте, как стоял убитый, и вы поймете, что произошло. Наверное, такого не случилось нигде и никогда; наверное, еще не бывало, чтобы лезвие ножа приблизилось вплотную к горлу, когда об убийстве никто и не думал. Но так было здесь, и цепочка мелких действий привела к страшной беде. Больше я ничего не утверждаю. Странно подумать, что бедняга выбрался из дальнего селенья, прихватив с собою лишь горстку местных преданий, а этот безумный гордец и обличитель, выскочив в гневе за калитку, наткнулся именно на него, и они встретились в небывалых, невысказанных обстоятельствах — и так схлестнулись не на жизнь, а на смерть два вида суеверий.

Человека, сидевшего во главе стола, никто уже не замечал, словно он превратился в стол или кресло. Однако Ноэл медленно повернулся к нему и спросил его с тем холодным терпением, с каким обращаются к невыносимому ребенку:

— Верно все это?

Крэнгл вскочил на ноги, пошатнулся, несколько раз беззвучно открыл рот, и все увидели клочок пены в углу его губ.

— Я хотел бы узнать, — гулко начал он, но голос изменил ему, он дважды покачнулся и упал лицом на стол, сокрушая свой хрусталь и

разливая вино.

— Не знаю, нужно ли звать полицию, — сказал Ноэл, — а вот врач не помешал бы.

— Тут нужны два врача, — сказал Гейл и направился к окну, через которое вошел.

Ноэл проводил его до калитки, мимо павлина и островка травы, синеватой, как павлин, в ярком лунном свете. Выйдя за ограду, Гейл обернулся и сказал напоследок:

— Я думаю, вы — Норман Ноэл, прославленный путешественник. Вы интересней мне, чем бедный безумец, и я задам вам вопрос. Простите, если навывдумывал за вас, такая уж у меня привычка. Вы изучали суеверия по всему свету и видели вещи, по сравнению с которыми все эти толки о ножах и о солонках — просто детская игра. Вы побывали в темных лесах, где верят в вампиров, которые громадней дракона, и в горах, где боятся оборотней и ждут, что на лице подруги или друга вдруг засветятся звериные глаза. Вы знали истинных суеверов, веривших в черные, жуткие вещи, вы жили среди них, и я хочу спросить вас о них.

— Мне кажется, вы сами немало о них знаете, — заметил Норман Ноэл, — но я отвечу вам на любой вопрос.

— Вам не кажется, что эти суеверные люди счастливее вас?

Гейл спросил это и помолчал, а потом начал снова:

— Вам не кажется, что они пели больше песен, и плясали больше плясок, и пили больше вина, и радовались искренней, чем вы? А все потому, что они верили в зло. Пускай всего лишь в злые чары, в недобрый глаз, в дурную примету — да, зло является им под глупыми и несообразными обличьями. Но они думают о нем! Они ясно видят белое и черное, и жизнь для них — поле битвы. А вы несчастны потому, что в зло не верили и считали, что истинный философ обязан видеть все в сером свете. И вот, я говорю с вами, ибо сейчас, сегодня, вы проснулись. Вы увидели достойное ненависти и познали радость. Обычное убийство не разбудило бы вас. Если бы убитый был пожилым светским человеком или даже молодым светским человеком, это бы вас не потрясло. Но я знаю, что случилось с вами теперь. В смерти этого сельского бедняги было что-то беспредельно постыдное.

Ноэл кивнул.

— Наверное, это из-за того, что у него такие нелепые фалды, — сказал он.

— Да, наверное, — сказал Гейл. — Что ж, вот она, дорога к

действительности. Спокойной ночи.

И он пошел по улице пригорода, бессознательно отмечая, как меняется цвет травы в ярком лунном свете. Павлинов он больше не встретил, и мы вправе предположить, что он об этом не жалел.

Примечания

...благодаря своей рассеянности. — Рассеянность — характерная черта любимых героев Честертона — отца Брауна, Фомы Аквинского, Гэбриела Гейла. Сам он был очень рассеян.

Канарейка. — Имеется в виду рассказ из этого же цикла, «Желтая птичка».

...дивным чудищам из Апокалипсиса. — См. Откр., 13, 1 — 18.